DOI: 10.22394/2070-8378-2020-22-4-73-81

О СПЕЦИФИКЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ ЭКОНОМИКИ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ

ЛЕОНИД БОРИСОВИЧ ВАРДОМСКИЙ, **доктор экономических наук, профессор, заведующий Центром постсоветских исследований, главный научный сотрудник**
Институт экономики Российской академии наук (117218, Российская Федерация, Москва, Нахимовский проспект, 32). E-mail: 319@transecon.ru
МАДИНА ОКТАМОВНА ТУРАЕВА, **доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований**
Институт экономики Российской академии наук (117218, Российская Федерация, Москва, Нахимовский проспект, 32). E-mail: 319@transecon.ru

Аннотация: В статье сделана попытка определить типы моделей экономического развития, применяющиеся в странах, и установить, какие из них и в каких странах были наиболее успешными. Исследование таких моделей важно прежде всего для выявления наиболее успешных мировых практик по их разработке и применению. Оно также необходимо для выстраивания экономических отношений и расширения взаимовыгодного сотрудничества со странами для взаимной адаптации экономик. Это особенно важно в рамках интеграционных объединений, требующих координации программ и стратегий социально-экономического развития стран-участниц. В теоретическом плане это дает объяснение природы экономического развития или застоя, понимание того, как следует корректировать модели национального развития. На наш взгляд, экономическая модель – это результат увязывания через соответствующие институты целей национального социально-экономического развития с имеющимися материальными и интеллектуальными ресурсами, особенностями геоэкономического положения, культурными традициями, с одной стороны, и трендами развития мировой политики и экономики, вопросами национальной безопасности, с другой. Постсоветские страны имеют общие исходные условия формирования суверенных экономик: они представляли собой части советской экономики, которая развивалась на плановой основе, не имея прямого контакта с мировым хозяйством. Движение в направлении полицентричного устройства мировой экономики вызывает обострение международных политических и экономических отношений. Пандемия коронавируса повысила значимость качества государственного управления и негативно повлияла на доходы как стран-производителей углеводородов, так и экспортеров рабочей силы и услуг.
Ключевые слова: постсоветские страны, новые независимые государства, национальная модель, ресурсная модель, проинтеграционная модель, социально ориентированная модель, геополитически обусловленная модель, долговая модель

Статья поступила в редакцию 13 августа 2020 года.

Вардомский Л.Б., Тураева М.О. О специфике национальных моделей экономики в постсоветских странах. *Государственная служба.* 2020. № 4. С. 73–81.

ON SPECIFICITY OF NATIONAL ECONOMIC MODELS IN THE POST-SOVIET COUNTRIES

LEONID B. VARDOMSKY, **Dr. Sci. (Economics), Professor, Head of the Center for Post-Soviet Research, chief researcher**
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (117218, Russian Federation, Moscow, Nakhimovsky Prospekt, 32). E-mail: 319@transecon.ru
MADINA O. TURAEVA, **Dr. Sci. (Economics), leading researcher at the Center for Post-Soviet Research**
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (117218, Russian Federation, Moscow, Nakhimovsky Prospekt, 32). E-mail: 319@transecon.ru

Annotation: The article attempts to identify the types of models used in countries and to establish which of them and in which countries have been most successful. The study of economic development models used in different countries is important firstly, to identify the most successful world practices for their development and application. It is also necessary for building economic relations and expanding mutually beneficial cooperation with countries for mutual adaptation of economies. This is especially important within the framework of integration associations that require coordination of programs and strategies for the socio-economic development of the participating countries. In theoretical terms, this explains the nature of economic development or stagnation, helps understanding of how to adjust the models of national development. In our view, the economic model is the result of linking, through the appropriate institutions, the goals of national socio-economic development with the available material and intellectual resources, peculiarities of the geo-economic position, cultural traditions, on the one hand, and trends in the development of world politics and economics, national security issues on the other. Post-Soviet countries have common initial conditions for the formation of sovereign economies. The movement towards the polycentric structure of the world economy is aggravating international political and economic relations. The coronavirus pandemic has raised the profile of the quality of governance and hit the incomes of both hydrocarbon producing countries and exporters of labor and services.
Keywords: national model, post-Soviet countries, newly independent states, resource model, pro-integration model, socially oriented model, geopolitically determined model, debt model

The article was received on August 13, 2020.

Vardomsky L.B., Turaeva M.O. On specificity of national economic models in the post-Soviet countries. Gosudarstvennaya sluzhba. 2020. № 4. P. 73–81.

Введение

Формулирование целей развития опирается на представление о «национально-государственной идентичности», под которой понимаются *осознанные возможности* развития государства и ожидаемые эффекты их реализации. Формирование идентичности государств происходит через выбор социо-культурных, внешнеполитических и экономических приоритетов, которые в оценке элит и общества в наибольшей степени соответствуют задачам национальной модернизации [Huntington, 2004. P. 240–428]. При этом цели развития и идентичность могут изменяться под влиянием внутренних и внешних факторов, вызывая необходимость корректировки избранной странами модели развития. В случае смены политической системы, перехода к рынку, вхождения в иную интеграционную систему изменения приобретают радикальный характер, меняющие траекторию, принципы и цели развития государства [Вардомский, 2015. С. 178–182].

В западной научной мысли главное в содержании эффективной экономической модели составляют институты, реализующие свободу личности и предпринимательской деятельности. До недавнего времени господствовало мнение, что только внедрение либерально-демократических институтов и глобализация могут обеспечить устойчивое развитие стран, относящихся к постиндустриальному обществу. Традиционный либерализм исходит из того, что свобода экономического поведения субъектов рынка является залогом эффективности всей хозяйственной системы [Социальное рыночное хозяйство…, 2007. С. 60–126]. Вмешательство государств в определение новейших перспективных отраслей промышленности и распределение дефицитных ресурсов, включая иностранную валюту, имевшее место в странах Восточной Азии, именуемых «азиатскими тиграми», рассматривалось в странах Запада как причины перекосов и коррупции, хотя это и было весьма целесообразно в рамках политики индустриализации [Юсуф, 2012. С. 169–170].

Но что делать странам, не достигшим постиндустриального состояния, как им развиваться? На этот вопрос западная либеральная экономическая мысль однозначного ответа не дает. До 2008 года она отсылала к программе действий, именуемой «Вашингтонский консенсус», для устранения перекосов, возникающих при внедрении в этих странах либеральной модели экономического развития [Вардомский, Тураева, 2019. С. 12–22]. Согласно этой программе, условия для успешного национального развития создает экономическая модель, в которой присутствуют: открытость экономики, макроэкономическая стабильность, высокий уровень сбережений и инвестиций, зрелые рыночные институты и компетентные, решительные правительства [Колодко, 2019. С. 22]. Но при этом слабо учитываются ресурсные факторы: сравнительные преимущества или слабости отдельных стран по располагаемым ресурсам, на эффективное использование которых нацелены создаваемые институты.

В этом отношении интересен опыт постсоветских стран, которые в силу специфики своего состояния не могли ни при каких условиях достичь соответствия этим критериям. Они искали свои модели развития, опираясь на опыт предшественников рыночной трансформации и национальные возможности. По моделям экономического развития постсоветских стран имеется не так много содержательных публикаций. Большинство из них посвящено отдельным странам[1]. Сквозных сравнительных исследований всех государств еще меньше. Среди них следует выделить монографию, выпущенную в Центре постсоветских исследований Института экономики РАН в рамках проекта «Постсоциалистический мир: итоги трансформации», посвященную постсоветским государствам [Постсоциалистический мир…, 2017], а также труды А.А. Мигранян, в частности ее доклад «Специфика экономических моделей и основные тренды социально-экономического развития стран СНГ»[2]. В нашей статье мы попытаемся определить типы моделей, применяющиеся в странах, и установить, какие из них и в каких странах были наиболее успешными в период до 2019 года.

Общее и особенное в формировании моделей экономического развития в постсоветских странах

Постсоветские страны имеют общие исходные условия формирования суверенных экономик. Наиболее важным из них является то, что в прошлом они представляли собой части советской экономики, которая развивалась на плановой основе, не имея прямого контакта с мировым хозяйством. Их развитие определялось государственными пятилетними планами и опиралось на имеющиеся в союзных республиках ресурсы. Оно также преследовало среди многих других и задачу сокращения межреспубликанских различий в уровнях социально-экономического развития. Главными движущими силами подъема экономики рассматривались индустриализация и связанное с ней развитие науки и образования. Союзные республики были тесно взаимосвязаны через межреспубликанскую специализацию, которая стала разрушаться в результате становления новых государств и превращения внутренних административных границ в межгосударственные.

---

1 Среди них следует выделить труды Л.М. Григорьева по Азербайджану, А.Г. Пылина по Грузии, М.О. Тураевой по Киргизии, А.В. Шурубовича по Белоруссии.

2 *Мигранян А.А.* Специфика экономических моделей и основные тренды социально-экономического развития стран СНГ. Научный доклад. 2018: https://inecon.org/docs/Migranyan_paper_20180327.pdf

Вторая общая черта связана с тем, что все новые независимые страны должны были создавать новую государственность на основе перехода от советской к национальной идентичности, к многоукладной собственности, рыночной экономике, созданию национальных финансово-бюджетных и налоговых систем, институтов взаимодействия с внешними рынками [Экономическое взаимодействие…, 2015. С. 176–403]. В классификации Мирового банка рассматриваемые государства относятся к странам с формирующимися рынками, или переходной экономикой. Одновременно все они, по Е. Клееру, могут быть отнесены к странам периферийного капитализма [Клеер, 2017. С. 25–40], поскольку сильно отстают от развитого ядра мировой экономики, зависят от иностранных технологий, капиталов, рынков сбыта, имея при этом крайне ограниченное экономическое влияние на ведущие мировые и региональные державы.

Исходя из конкретных национальных условий, страны использовали разные модели рыночного транзита. Армения, Грузия, Киргизия и Россия избрали «шоковый вариант» в духе «Вашингтонского консенсуса», предусматривавшего резкую либерализацию цен, широкое открытие экономики, сжатие денежной массы, приватизацию госсобственности и свертывание социальных программ.

Белоруссия, Туркменистан и Узбекистан двигались к рынку эволюционно, сохраняя роль государства в макроэкономическом и социальном регулировании. Остальные страны осуществляли структурные реформы в промежуточном варианте с учетом проблем, возникавших в ходе «шоковой терапии» [Социально-экономическая трансформация…, 2004. С. 156–325].

Все страны, прошедшие системную трансформацию, особенно в ее «шоковом» варианте, понесли громадные безвозвратные потери материальных и нематериальных активов в виде многочисленных неконкурентных (в условиях рынка) и открытых экономик производств. Эти потери академик А.Д. Некипелов определил как «системный гистерезис», или сжатие национальных экономик, упрощение их структур в ходе трансформации. Становление государственности и рыночная трансформация сильно ударили по их советскому экономическому и социальному наследию [Некипелов, 2001. С. 9]. Экономический спад был глубоким и продолжительным. Важным фактором такого спада стали разгоревшиеся во многих странах внутренние этнополитические и межрегиональные конфликты.

В 2000-е и последующие годы происходила конвергенция стран по институтам рыночной трансформации: государства, избравшие «шоковую терапию», постепенно усиливали госрегулирование, а страны градуалистской ориентации внедряли рыночные институты [Некипелов, 2001. С. 14]. На формирование идентичности постсоциалистических стран в большой степени влияло их стремление повторить опыт схожих по структуре экономик и уровню развития государств, которые наиболее удачно прошли этап рыночной трансформации, а также стран, которые в близкой геоэкономической ситуации построили национальную модель, обеспечившую высокие темпы развития (пример Южной Кореи, Ирландии, Объединенных Арабских Эмиратов и др.).

Третья общая черта – внутриконтинентальное положение большинства новых независимых государств, удаленность от рынков третьих стран и при этом недостаточное развитие инфраструктуры и логистики. Внутриконтинентальность предопределяла меньшую втянутость стран в международные экономические отношения, большую зависимость от транзитных перевозок через соседние страны, невысокую инвестиционную привлекательность, ориентацию на внутренний спрос как ведущий фактор развития.

Таблица. Показатели социально-экономического развития постсоветских стран, 2019

Table. Indicators of socio-economic development in post-Soviet countries, 2019

Страны	ВВП по ППС, долл., чел.	Индекс чел. потенциала	Доля городского населения	Индекс эконом. свободы*	Индекс глобализации	Экспорт товаров и услуг к ВВП
РФ	29 181	0,824	75 %	58,9	68,25	28,3 %
Казахстан	27 444	0,817	58 %	65,4	56,08	36,5 %
Белоруссия	19 943	0,817	79 %	57,9	60,76	66,4 %
Грузия	15 637	0,786	59 %	75,9	64,13	54,0 %
Туркменистан	15 196	0,710	52 %	48,4	37,05	22,7 %
Азербайджан	15 001	0,754	56 %	65,4	56,22	36,1 %
Армения	14 220	0,760	63 %	67,7	58,89	38,5 %
Молдавия	13 574	0,711	43 %	59,1	61,39	30,5 %
Украина	13 341	0,750	69 %	52,2	70,24	41,2 %
Узбекистан	7 289	0,710	50 %	53,3	39,43	31,2 %
Киргизия	5 471	0,670	37 %	62,3	53,64	37,4 %
Таджикистан	3 520	0,656	27 %	55,6	42,87	15,7 %

Источники: Мировой банк; индикаторы: https://data.worldbank.org/indicator?tab=all; Доклад о человеческом развитии, 2019. За рамками уровня доходов и средних показателей сегодняшнего дня: неравенство в человеческом развитии в XXI веке. UNDP; Индекс глобализации по версии КОФ*, 2017. KOF Swiss Economic Institute: https://gtmarket.ru/ratings/kof-globalization-index/info; Рейтинг стран мира по уровню экономической свободы, 2017: https://gtmarket.ru/ratings/index-of-economic-freedom/index-of-economic-freedom-info

* Индекс включает в себя переменные, измеряющие экономические, социальные и политические аспекты глобализации, которые выражают 24 показателя.

Эти общие особенности развития наложились на унаследованные громадные межстрановые различия: по размерам и специализации экономик, уровню социально-экономического развития, культурным традициям, ресурсному и человеческому потенциалу, положению относительно международных рынков. При этом чем глубже в Евразии располагаются страны, тем ниже уровень их социально-экономического развития.

Новые независимые страны в ходе становления государственности, разных способов рыночной трансформации и моделей приватизации, при различном понимании своей международной миссии и стратегических ориентиров все более отходили от советского наследия. Рост различий между государствами был также обусловлен разным спросом международного рынка на производимые товары и услуги, интересом к ним третьих государств, которые стремились расширить рынки сбыта своей продукции, обеспечить альтернативное энергоснабжение, укрепить геополитические позиции на постсоветском пространстве и т.д. [Новые независимые государства…, 2012. С. 4].

Для измерения современных социально-экономических различий между странами, которые так или иначе отражаются на практикуемых в них моделях развития, использовались сопоставимые данные международных организаций и отдельных западных институтов (см. таблицу). Рассматриваемые страны довольно сильно различаются по уровню развития, измеряемого показателем ВВП и ППС на душу населения в текущих ценах. При этом большинство из них имеет данный показатель ниже среднемирового уровня в 17 680 долл.

Мировой банк для более адекватного измерения благосостояния населения использует также показатель ВНП на душу населения. Его величина у России, Казахстана, Белоруссии, Туркменистана, Грузии, Армении и Азербайджана позволял их отнести к числу стран с доходом выше среднего (в пределах 4 046–12 535 долл.), а Молдову, Украину, Узбекистан, Киргизию – к странам с доходом ниже среднего (от 1 036 до 4 045 долл.). Таджикистан с 1 010 долл. на душу населения занимал 172 место среди 198 рейтингуемых государств и попал в группу бедных стран мира[3].

С показателем ВВП по ППС на душу населения тесно коррелирует «Индекс человеческого развития» (ИЧР) (за некоторыми исключениями, которые связаны с Туркменистаном и Украиной). Стоит отметить, что этот показатель за 2010–2019 годы увеличился у всех стран, особенно сильно у Таджикистана. Наименьший рост отмечен у Украины.

Перечисленные выше общие особенности предопределили сравнительно высокую долю государства в экономическом развитии этих стран, что отражают низкие места в мировых рейтингах индексов «экономической свободы» и «глобализации» (см. таблицу).

«Индекс экономической свободы» (Index of Economic Freedom), ежегодно публикуемый The Heritage Foundation на основе системы показателей, характеризует уровень либерализации экономики стран мира. Большинство новых независимых государств относится к числу стран либо с умеренно свободной экономикой (Армения, Казахстан, Азербайджан и Киргизия), либо с преимущественно несвободной экономикой (Молдавия, Россия, Белоруссия, Таджикистан, Узбекистан и Украина). А крайними полюсами являются Грузия, соответствующая критериям страны с преимущественно свободной экономикой, и Туркменистан – страна с несвободной экономикой[4]. Тем не менее, большинство стран за последние десять лет существенно улучшило свои позиции в этом рейтинге.

«Индекс глобализации» отражает степень включенности стран в мировые экономические и политические отношения. Наиболее высокий показатель среди новых независимых государств авторы рейтинга присвоили Украине, но она с показателем 70,24 балла занимала только 45-е место среди 193 рейтингуемых стран. Последним же среди рассматриваемых стран в списке рейтинга ожидаемо был Туркменистан, занявший 177-е место. Слабое включение в глобальные связи подтверждает и показатель отношения экспорта товаров и услуг к ВВП (см. таблицу). Хотя большинство государств превышает среднемировой показатель в 30,1 %, но со странами ЦВЕ по этому показателю может сравниться только Белоруссия. Обращает на себя внимание довольно тесная корреляция «индекса глобализации» с долей городского населения.

Для постсоветских стран характерно регулирование экономики властными экономическими группировками (хотя и в разной степени), играющими ведущую роль в национальном экономическом развитии при довольно слабой проэкспортной ориентации их экономики. В отличие от стран ЦВЕ, в которых основополагающим фактором экономического развития является интеграция в лице Европейской комиссии, что в своих трудах ярко показали С.П. Глинкина и Н.В. Куликова [Глинкина, Куликова, 2018. С. 9–24; Глинкина, Куликова, 2019. С. 131–149], в новых независимых государствах ведущую роль играют национальные стратегии и программы развития, опирающиеся преимущественно на национальные ресурсы. В условиях слабых кредитно-банковских систем, ограниченных доходов от экспорта, недостаточной привлекательности для иностран-

3 Мировой банк. Индикаторы: https://data.worldbank.org/indicator

4 Рейтинг стран мира по уровню экономической свободы: https://gtmarket.ru/ratings/index-of-economic-freedom/index-of-economic-freedom-info

ных инвесторов, небольшой емкости национальных рынков для внутреннего развития особое значение приобретают природные, человеческие и позиционные ресурсы. Но для их эффективного использования требуются качественные государственные институты. Вместе с тем они пока не стали сильной стороной рассматриваемых стран[5].

Типологизация стран по ресурсам развития

В странах Центральной Азии и Азербайджане, расположенных в аридной внутриконтинентальной зоне Евразии, по ведущим факторам развития сложилось два типа моделей. Фактор природных ресурсов играет особую роль у прикаспийских государств, богатых углеводородами. Для них характерна модель развития, в основе которой лежит экспорт нефти и газа. Условно назовем ее *ресурсной моделью*. У Азербайджана, Казахстана, Узбекистана и Туркменистана стабильно отмечается положительное сальдо торгового баланса и значительный объем экспорта товаров и услуг на душу населения – в пределах 2,5–3,5 тыс. долл. на душу населения (при среднемировом показателе 3,2 тыс. долл.)[6]. Эти страны располагают значительными финансовыми ресурсами для проведения политики диверсификации национальной экономики и создания транспортной инфраструктуры, связывающей их с внешними рынками.

Ресурсная модель довольно прозрачна: на доходы от нефти и газа, а также других минеральных ресурсов (у кого они есть) государствами создаются новые производства, новые компетенции и миссии, которые изменяют характер взаимоотношений с окружающим миром. Часть доходов направляется в резервные фонды, которые используются в случае ухудшения ситуации на рынке углеводородов. Доходы от их экспорта обеспечивают рост жизненного уровня населения, потребление которого превращается в важный фактор экономического роста через торговлю, сферы недвижимости и услуг. Следует отметить, что около половины населения этих стран проживает на селе, в основном за счет орошаемого земледелия.

Все рассматриваемые страны стремятся расширить свой транзитный потенциал, используя выгодное положение в полосе международных транспортных коридоров на направлениях Север–Юг и Запад–Восток, создавая для этого соответствующую инфраструктуру. Для контроля за освоением природных ресурсов и использованием водных, за распределением получаемых от экспорта углеводородов доходов в целях национального развития необходима крепкая центральная власть, что выразилось в установлении посттрадиционалистских политических режимов с характерной особой ролью *национального лидера*. Все страны данной группы стремятся проводить многовекторную внешнеэкономическую политику.

В большей мере это удалось Казахстану со значительным населением (18,7 млн человек), что позволяет говорить о наличии достаточно емкого внутреннего рынка, который по мере роста доходов населения может стать серьезным фактором экономического развития. На основе модернизации экономики страна стремится занять лидирующие позиции в Центральной Азии, стать региональным финансовым центром и мощным транзитным хабом. У Казахстана по понятным причинам евразийский интеграционный фактор в модели развития представлен меньше, чем у других стран ЕАЭС, но при этом он стремится сочетать проэкспортный подход с углублением емкости внутреннего рынка за счет наращивания звеньев экономики с высокой добавленной стоимостью.

Азербайджан по своей политической модели близок к Казахстану, что подтверждает их соседское положение в рейтингах «экономической свободы» и «глобализации». Особенностью Азербайджана является его тесная связь с этнически близкой Турцией.

Туркменистан значительно более закрыт и консервативен. За годы суверенного развития страна сильно нарастила экспортный потенциал и обеспечила максимальный среди всех рассматриваемых государств экономический рост. Это объясняется спросом КНР на его газовые ресурсы, а также транспортные пути, связующие с Ираном и странами Индийского океана. Высокая степень экономической ориентации на Китай создает и определенные проблемы для страны.

Упомянутые государства после обретения независимости развивались более высокими темпами, что остальные. Но преимущества ресурсной модели сочетались и со значительными недостатками, которые выражаются в сильной зависимости финансового положения от конъюнктуры международного рынка нефти и газа, а также «голландской болезни». Получаемые от экспорта углеводородов доходы неравномерно распределялись по секторам национальной экономики и по отдельным слоям населения, вызывая рост социального, экономического и регионального неравенства.

Наиболее эффективно данная модель применялась в Казахстане, что подтверждает его более высокое положение в производстве ВВП на душу население и по ИЧР, а также довольно высокие темпы развития с момента обретения независимости при высокой начальной базе. По ВНП на душу населения Казахстан в 1990 году занимал 3-е место после России и Белоруссии [Новые независимые государства…, 2012. С. 8].

---

5 *Мигранян А.А.* Специфика экономических моделей и основные тренды социально-экономического развития стран СНГ. Научный доклад. 2018: https://inecon.org/docs/Migranyan_paper_20180327.pdf

6 Здесь и далее данные на 2019 год.

На иной основе развиваются Киргизия и Таджикистан. Для них характерны низкие показатели душевого дохода, что, наряду с прочим, связано с высоким естественным приростом населения. Страны этой группы располагаются вне международных транспортных коридоров, удалены от внерегиональных внешних рынков на большие расстояния.

Из-за политических рисков, низкой покупательной способности населения и географической удаленности они мало привлекательны для иностранных инвесторов, в связи с чем экспорт на душу населения крайне мал: 137 долл. у Таджикистана и 421 долл. у Киргизии в 2019 году при постоянном отрицательном сальдо внешней торговли. Киргизия – крупный экспортер золота, а Таджикистан – алюминия. В Таджикистане и Киргизии значительное место в экспорте занимает электроэнергия. Эти страны всеми возможными способами стараются привлечь иностранную помощь и инвестиции, идя на большие риски для национальной финансовой системы, о чем свидетельствует нарастающая внешняя задолженность, прежде всего перед Китаем.

Высокая доля сельского населения, дешевый труд и возможность его экспорта, играющего важнейшую роль в росте внутреннего потребления, – главный ресурс развития этих республик. Их финансовое положение критически зависит от трудовой миграции в Россию и Казахстан, доходы от которой полностью покрывают высокий торговый дефицит. Это государства с *трудоэкспортной моделью развития*. Такая модель опирается на трудовую активность населения и возможность их перемещения в страны приложения труда.

Имея схожую экономическую модель, они довольно сильно различаются своими политическими системами. Киргизия более демократична, Таджикистан более традиционен. Национальный бизнес последнего находится под жестким государственным контролем. Но какая политическая система обеспечивает более эффективное использование трудоэкспортной модели – вопрос пока открытый.

Отдельно хотелось бы отметить конфессиональный фактор. В конце 1990-х – начале 2000-х годов в современной Центральной Азии стремительными темпами начал распространяться ислам. И речь даже не столько о религии или различных учениях, а об одном из эффективных инструментов влияния. К примеру, Таджикистан, пережив острую фазу попыток «исламизации» (что послужило одной из причин гражданской войны 1991–1997 годов), в последние годы испытывает ощутимую религиозную экспансию. Активное возвращение к «религии предков» у населения стало особенно модным к концу 80-х – началу 90-х годов. Скорое возвращение к религии было дополнительно форсировано тем, что с распадом СССР у людей образовался мировоззренческий кризис. Политическая нестабильность, бедность, социально-экономическая напряженность и финансирование религиозных течений извне служат благодатной почвой для разрастания сект, ячеек, движений, в том числе и экстремистского толка. Б. Бабаджанов объясняет массовое возвращение к исламу в регионе тем, что именно в религии стали видеть панацею от всех проблем, в том числе экономических, социальных, политических. В среде молодых интеллектуалов из маргинальных слоев с техническим и гуманитарным образованием феномен возврата приобрел особые черты. Их религиозные воззрения – это некая смесь из атеистских взглядов и принципов ислама с заметными послаблениями (например, по части соблюдения обрядов)[7].

Косвенным свидетельством подобного «технократического» подхода к религии в исламизирующемся Таджикистане, на наш взгляд, является стабильно расширяющийся кредитный рынок, институты которого работают не в соответствии с установками шариата[8], а вполне секулярно [Тураева, 2012. С. 53–55].

Экономика Узбекистана сочетает в себе черты *ресурсной и трудоэкспортной моделей*. Важным преимуществом страны является значительное население, превышающее 34 млн чел. Переход в последние годы к более либеральной, открытой экономической политике при сохранении рычагов управления в руках государства, наличие многочисленной дешевой рабочей силы, срединное положение в Центральной Азии может ускорить экономическое развитие страны, хотя и до этого оно было весьма заметным.

Следующую группу составляют Армения, Грузия и Молдавия. Для них характерны небольшое, но убывающее население (3–4 млн человек), небольшой внутренний рынок, низкие показатели инвестирования в основной капитал, существование в условиях этнополитических (хотя и замороженных) конфликтов, оказывающих значительное влияние на состояние финансов, экономическую и социальную динамику. Данная группа стран сильно зависит от трудовых миграций, иностранных инвестиций и помощи от диаспор и международных организаций, внешнего спроса на национальные трудовые ресурсы. Ограниченный ресурсный и человеческий потенциал страны стремились компенсировать более либеральными условиями ведения бизнеса, ускоренным развитием сферы услуг и их экспорта. Причем это сопровождалось масштабной деиндустриализацией.

Модель, сложившуюся в этих странах, можно определить как *сервисно-трудоэкспортную*, *проинтеграционную*. Более выражена она у Грузии, меньше – у Армении и Молдавии в силу особенностей их

7 *Бабаджанов Б.* Верните Фемиде весы (непопулярный взгляд на андижанскую трагедию). Общественный фонд Александра Князева. 2005: https://crss.uz/2006/05/10/vernite-femide-vesy-nepopulyarnyj-vzglyad-na-andizhanskuyu-tragediyu

8 В исламе существует запрет на ссудный процент – «риба».

транспортного и геополитического положения. Благодаря более благоприятному геоэкономическому положению и природно-климатическим условиям Грузия шире включена в международные экономические отношения, она более привлекательна для иностранных инвесторов [Пылин, 2018. С. 79–96]. В общем доходе от экспорта товаров и услуг в стране около 40 % приходилось на международный туризм (для сравнения у Армении – более четверти, а у Молдавии – менее 4 %). Грузия превратилась в крупный транзитный мост между Турцией и Азербайджаном, Россией и Арменией.

Данная группа стран практически не способна развиваться вне региональных объединений и активного взаимодействия с региональными центрами силы, что требует от них большой гибкости. Так, находящаяся на крайней периферии Европы Грузия не может вписаться в европейскую экономику, при этом более уверенно она чувствует себя на стыке ЕС, Турции, ЕАЭС и СНГ. Молдавия более активно интегрируется в экономическое пространство ЕС, но в то же время крайне заинтересована в сохранении хороших экономических отношений с Россией и другими странами СНГ. Армения из-за сложного геополитического и транспортного положения не может полностью включиться ни в экономику ЕАЭС, ни в экономику ЕС, что предопределяет ее желание одновременно быть и членом ЕАЭС, и участником европейской программы «Восточного партнерства». При благоприятных условиях эти малые страны могли бы стать соединительными звеньями между рынками ЕС и ЕАЭС. В целом данная модель более успешно применяется в Грузии, которая за последние годы вышла по ВВП на душу населения и ИЧР на четвертое место (см. таблицу).

Республика Беларусь имеет специфическую экономическую модель, в которой открытость экономики сочетается с высоким уровнем централизации управления. Главным ресурсом развития Белоруссии является геоэкономическое положение, диверсифицированная экономика и значительный инновационный потенциал. Идентичность Белоруссии строится не на этнической, а на гражданской основе. Идеологическими основаниями современного белорусского государства стали индустриальная идентичность, государственная символика, культ победы в Великой Отечественной войне. Главной целью государства стало сохранение унаследованной от СССР экономики. Этим объясняется ее выбор эволюционной рыночной трансформации. Белорусское государство привержено евразийской интеграции, рассматривает себя как «точку сборки» Евразии и одновременно центр традиционной Европы.

Высокая социальная ориентация белорусской модели развития обернулась утратой конкурентоспособности экономики и повышением в ее структуре доли производств с невысокой степенью обработки. Драйвером экономического роста в 2000-е годы стал реэкспорт российских углеводородов (в виде продуктов переработки нефти и газа, получаемых по льготным ценам), и на этой основе значительные инвестиции направлялись в национальную промышленность и социальную сферу. Отражением этого являются самые низкие показатели социального неравенства среди новых независимых государств, что, в частности, отражает коэффициент Джини.

Жестким барьером развития государства сегодня выступает недостаточная конкурентоспособность национальных технологий и производимых на их основе новых изделий. С проблемой недостаточной конкурентоспособности экономики сегодня связаны финансовые трудности, стагнация доходов населения, недостаточная инвестиционная активность. В целом модель экономики Белоруссии можно определить как *социально ориентированную, диверсифицированную по ресурсам и отраслям, проинтеграционную.*

В этих условиях страна стоит перед нелегким выбором будущего развития: либо бороться за долю на внутреннем и внешнем рынках в сегменте традиционных отраслей, используя действующую модель, но получая от этого все меньшую прибыль, либо сконцентрировать усилия на инновационных производствах, порождаемых новой промышленной революцией, выпуск которых связан с большими коммерческими рисками. Решение этой дилеммы видится через повышение разными способами инновационной активности предприятий и организаций, что позволит либо снизить издержки в традиционных отраслях, либо выйти на рынок с новыми продуктами. В настоящее время руководство страны пытается переломить ситуацию с помощью ускоренной цифровизации экономики, развития логистики и модернизации энергетической базы путем строительства АЭС [Шурубович, 2019. С. 91–110]. Внедрение новых технологий и на их основе массовый выпуск инновационных товаров и услуг обусловлен формированием соответствующих рынков и согласованием национальных программ развития с выделением приоритетных производств в рамках евразийской интеграции.

В отличие от Белоруссии, сумевшей сохранить за годы независимости свои лидирующие позиции среди новых независимых государств по ВВП на душу населения и ИЧР, Украина, имевшая изначально более мощную и комплексную экономическую базу, зажиточное и образованное население, своих позиций не удержала. Сегодня Украина – одна из наиболее бедных стран Европы. Ее ВВП по ППС на душу населения в 2019 году был ниже, чем у Молдавии. Результат свидетельствует о том, что при большом разнообразии факторов развития, но ущербных институтах и трудно формируемой государственной идентичности невозможно добиться положительных результатов. На протяжении суверенного развития

страна не смогла остановить деиндустриализацию, что вызвало избыток рабочих рук, бедность и депопуляцию. В экспорте страны резко выросла доля аграрной продукции.

Сложившаяся на Украине экономическая модель не преследует цели социально-экономического развития. Она определяется этнократическими и геополитическими факторами. Противодействие России – основа политики Украины, что определяет содержание ее экономического поведения. Его основа – сокращение зависимости от России по экспорту и импорту. Власти страны сознательно сужают ресурсные возможности экономического развития, объясняя это наличием «внешнего врага», каковым объявлена Россия. В результате этого на Украине образовался серьезный излишек рабочей силы, которая ищет работу за рубежом. В 2019 году объем прямых переводов в страну от трудовых мигрантов, по данным Мирового банка, составил почти 16 млрд долл., или четверть от объема экспорта товаров и услуг. Политика государства нацелена на разворот страны в западном направлении, выплату долгов МВФ и другим финансовым организациям, на включение Украины в экономическую систему ЕС в качестве его глубокой периферии. Инициативное исполнение «оборонительного рубежа» западного мира пользуется определенным спросом, но много за это заинтересованные игроки платить не готовы. Данную модель можно определить *как геополитически обусловленную, долговую, трудоэкспортную.* Она, на наш взгляд, будет существовать до тех пор, пока есть к ней внешний интерес, но при этом вряд ли моноэтничное, враждебное России государство в обозримой перспективе начнет историю своего экономического успеха.

Заключение

Таким образом, за прошедшие почти 30 лет суверенного развития более динамично развивались страны с сырьевой экономикой и крепкой центральной властью. Государства с либерально ориентированной экономикой не смогли справиться с неуправляемой деиндустриализацией. Исключение составила Грузия, бизнес-круги которой смогли использовать выгодное геоэкономическое положение, широкую помощь Запада и финансовые возможности диаспоры.

Страны, развивающиеся по трудоресурсной и сервисно-трудоресурсной моделям, а также Белоруссия хорошо дополняют экономику России. Россия и Казахстан дополняют друг друга в части совместного использования транзитного потенциала, финансовых услуг и в сфере металлургии и энергетики, что является основой их экономического сотрудничества в разных форматах. Сейчас независимые государства вступают в новый этап своего развития, обусловленный кризисом либеральной концепции, деглобализацией, усилением экономического патриотизма и национального протекционизма. Движение в направлении полицентричного устройства мировой экономики вызывает обострение международных политических и экономических отношений. Пандемия коронавируса повысила значимость качества государственного управления и оказала негативное влияние на доходы как стран-производителей углеводородов, так и экспортеров рабочей силы и услуг. Одновременно активизируется борьба за низкоуглеродную экономику, которая может серьезно повлиять на расстановку сил в мировой экономике, а также и на постсоветском пространстве. Сокращение углеродных доходов и последствия климатических изменений могут сказаться на экономике всех новых независимых государств, не говоря уже о реализации принятых странами программ развития.

В этих условиях преимущества получат те страны, модели которых будут эволюционировать в сторону повышения качества госуправления, в частности посредством оптимального баланса между централизацией и децентрализацией управления, диверсификации экономики за счет производств будущего и создания рабочих мест с новыми компетенциями, используя все имеющиеся для этого внутренние и внешние возможности. Растущее значение в обновлении моделей будут играть процессы регионализации проектного типа, позволяющие реализовывать национальные интересы в широком международном пространстве.

Литература

Вардомский Л.Б. Трансформация постсоветского пространства в контексте его меняющегося смысла. *Экономическое взаимодействие стран-членов СНГ в контексте евразийского интеграционного процесса* / Под ред. Л.Б. Вардомского, А.Г. Пылина. М.: Институт экономики РАН, 2015. С. 178–194.

Глинкина С.П., Куликова Н.В. К экономическому патриотизму: новые тенденции в постсоциалистических странах-членах ЕС. *Экономическая наука современной России*. 2019. № 2 (85). С. 131–149.

Глинкина С.П., Куликова Н.В. О модели капитализма в Центрально-восточной Европе. *Вестник Института экономики Российской академии наук.* 2018. № 3. С. 9–24.

Клеер Е. Центральная и Восточная Европа: периферийный и имитационный капитализм. *Мир перемен*. 2017. № 2. С. 25–40.

Колодко Г.В. Посткоммунистический переход к рынку и демократии. Уроки польского опыта. *Мир перемен.* 2019. № 3. С. 8–25.

Некипелов А.Д. Глобализация и стратегия развития экономики России. *Проблемы прогнозирования.* 2001. № 4. С. 1–16.

Новые независимые государства: сравнительные итоги социально-экономического развития. Научные доклады ИЭ РАН / Под общ. ред. Л.Б. Вардомского. М.: Институт экономики РАН, 2012. 60 с.

Постсоциалистический мир: итоги трансформации. В 3 т. / Под общ. ред. С.П. Глинкиной. Т. 2. Постсоветские государства / Отв. ред. Л.Б. Вардомский. СПб: Алетейя, 2017. 454 с.

Пылин А. Проблемы и перспективы модернизации экономики Грузии в контексте евроатлантической интеграции. *Общество и экономика.* 2018. № 5. С. 79–96.

Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России / Под общ. ред. Р.М. Нуреева. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007. 325 с.

Социально-экономическая трансформация в странах СНГ: достижения и проблемы (материалы международной конференции). Институт переходного периода, Академия народного хозяйства при Правительстве РФ. М.: Изд. Института переходного периода, 2004. 622 с.

Тураева М.О. Национально-хозяйственная система Республики Таджикистан в экономическом пространстве Центральной Азии (механизмы регулирования и приоритеты развития). Дисс. … докт. экон. наук / Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова. М., 2012. 319 с.

Тураева М.О., Вардомский Л.Б. Евразийская интеграция как отражение национальных особенностей экономического развития стран-участниц. *Вестник Таджикского национального университета.* Серия социально-экономических и общественных наук. 2019. № 9. С. 12–22.

Шурубович А.В. Белоруссия в ЕАЭС: тенденции, проблемы, перспективы. *Россия и современный мир.* 2019. № 4 (105). С. 91–110.

Экономическое взаимодействие стран-членов СНГ в контексте евразийского интеграционного проекта. Ч. II. Методологические подходы к анализу трансформации постсоветского пространства / Отв. ред. Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин. М.: Институт экономики РАН, 2015. С. 176–403.

Юсуф Ш. Экономика развития сквозь десятилетия. Критический взгляд на 30 лет подготовки Докладов о мировом развитии. М.: Весь мир, 2012. 240 с.

Huntington S. Who are we? The challenges to America's national identity. N.Y., 2004. 428 p.

References

Economic interaction of the CIS member states in the context of the Eurasian integration project. Part II. Methodological approaches to the analysis of the transformation of the post-Soviet space / Ed. by L.B. Vardomsky, A.G. Pylin. M.: Institut ekonomiki RAN, 2015. P. 176–403. In Russian

Glinkina S.P., Kulikova N.V. Towards economic patriotism: new trends in post-socialist EU member states. In: *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii*. 2019. № 2 (85). P. 131–149. In Russian

Glinkina S.P., Kulikova N.V. On the model of capitalism in Central and Eastern Europe. In: *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk.* 2018. № 3. P. 9–24. In Russian

Huntington S. Who are we? The challenges to America's national identity. N.Y., 2004. 428 p. In English

Kleer E. Central and Eastern Europe: peripheral and imitation capitalism. In: *Mir peremen.* 2017. № 2. P. 25–40. In Russian

Kolodko G.V. Post-communist transition to market and democracy. Lessons from the Polish experience. In: *Mir peremen.* 2019. № 3. P. 8–25. In Russian

Nekipelov A.D. Globalization and the development strategy for the Russian economy. In: *Problemy prognozirovaniya.* 2001. № 4. P. 1–16. In Russian

New independent states: comparative results of socio-economic development. Scientific reports of IE RAS / Ed. by L.B. Vardomsky. M.: Institut ekonomiki RAN, 2012. 60 p. In Russian

Post-socialist world: results of transformation. In 3 vol. / Ed. by S.P. Glinkina. Vol. 2. Post-Soviet states. St. Petersburg: Aletejya, 2017. 454 p. In Russian

Pylin A. Problems and prospects for modernizing Georgia's economy in the context of Euro-Atlantic integration. In: *Obshchestvo i ekonomika*. 2018. № 5. P. 79–96. In Russian

Shurubovich A.V. Belarus in the EAEU: trends, problems, prospects. In: *Rossiya i sovremennyi mir.* 2019. № 4 (105). P. 91–110. In Russian

Socio-economic transformation in the CIS countries: achievements and problems (materials of the international conference). Institute of the Transition Period, Academy of National Economy under the Government of the Russian Federation. M.: Izd. Instituta perekhodnogo perioda, 2004. 622 p. In Russian

Social market economy: concept, practical experience and application prospects in Russia / Ed. by R.M. Nureeva. M.: Izdatel'skii dom GU-VShE, 2007. 325 p. In Russian

Turaeva M.O. National economic system of the Republic of Tajikistan in the economic space of Central Asia (mechanisms of regulation and development priorities). Dr. Sci. (Economics) Diss. / Rossiiskii ekonomicheskii universitet im. G.V. Plekhanova. M., 2012. 319 p. In Russian

Turaeva M.O., Vardomsky L.B. Eurasian integration as a reflection of the national characteristics of the economic development of the participating countries. In: *Vestnik Tadzhikskogo natsional'nogo universiteta*. Seriya social'no-ekonomicheskikh i obshchestvennykh nauk. 2019. № 9. P. 12–22. In Russian

Vardomsky L.B. Transformation of the post-Soviet space in the context of its changing meaning. *Ekonomicheskoe vzaimodejstvie stran-chlenov SNG v kontekste evraziiskogo integratsionnogo protsessa* / Ed. by L.B. Vardomsky, A.G. Pylin. M.: Institut ekonomiki RAN, 2015. P. 178–194. In Russian

Yusuf Sh. Development economics through the decades. A critical look at 30 years of the World Development Report. M.: Ves' mir, 2012. P. 240 p. In Russian